

Кровать у Лу Иня была просторной, стандартный метр восемьдесят в ширину — места для двух взрослых мужчин здесь хватало с избытком. Но стоило Тань Мо лечь рядом, как пространство мгновенно сжалось. Лу Инь никак не мог свыкнуться с мыслью, что делит постель с другим мужчиной.

Рядом послышался шорох снимаемой одежды, а мгновение спустя Лу Инь почувствовал, как к нему приблизилось чужое разгорячённое тело.

Тань Мо устроился на боку, бесцеремонно заняв половину подушки, из-за чего они оказались лицом к лицу. Едва Лу Инь попытался отвернуться, как его пальцы задели голень Тань Мо. От этого случайного прикосновения Лу Инь мгновенно застыл.

Под одеялом Тань Мо накрыл его ладонь своей и принялся неторопливо перебирать чужие пальцы. На тумбочке всё ещё горел ночник, мягко очерчивая профиль Лу Иня. Тань Мо долго всматривался в его лицо, а затем тихо рассмеялся.

— Чего ты смеёшься? — спросил Лу Инь.

Тань Мо повернулся, погасил ночник и в наступившей темноте пододвинулся ещё ближе.

— Да так, — отозвался он. — Просто от тебя очень приятно пахнет.

Лу Инь негромко цыкнул:

— Сразу видно, за границей ты времени зря не терял — только и учился сладкие речи заливать.

Тань Мо улыбнулся ещё шире:

— А ты знаешь, что такое настоящие сладкие речи?

С этими словами он протянул руку и медленно провел пальцами вверх, очерчивая изгиб талии Лу Иня:

— Например... Малыш, у тебя такая узкая талия.

В темноте его вкрадчивый шёпот звучал глубоко и донельзя соблазнительно. Обострившиеся чувства Лу Иня уловили каждое колебание воздуха; тёплое дыхание коснулось ушной раковины, и по телу мгновенно разлилась глухая, томительная волна жара.

Поверить не в силах, что этот наглец назвал его «малышом», Лу Инь на мгновение опешил. У

него даже висок запульсировал от возмущения. Спустя пару секунд он всё же перехватил запястье Тань Мо под одеялом и с силой прижал его к матрасу, безмолвно призывая к порядку.

Тань Мо со смехом взмолился о пощаде:

— Всё, сдаюсь, виноват. Раз уж всё равно не спится, давай поболтаем? Вспомним детство.

— Ну давай, — согласился Лу Инь. — Расскажи, например, как ты несколько дней кусок в горло впихнуть не мог от злости, когда я завёл себе другого друга.

— Надо же, какой я был глупый и ревнивый, — Тань Мо перевернулся и устроился поудобнее, закинув руку за голову, и тихо рассмеялся. — Но даже сейчас... стоит представить, что у тебя появится кто-то ещё, и мне сразу становится тошно. Дико бесит.

Лу Инь вздохнул:

— Столько лет прошло, а твой собственнический инстинкт ни капли не притупился.

Тань Мо лишь безразлично пожал плечами, не сводя с него глаз. Когда зрение привыкло к темноте, он смог различить нечёткие очертания лица Лу Иня. В груди сладостно заныло. Тань Мо потянулся и осторожно коснулся его волос, но пальцы скользнули ниже, и горячая ладонь легла на щеку Лу Иня.

— Ты вечно забываешь о моих предпочтениях, — обречённо проговорил Лу Инь.

Тань Мо весело усмехнулся:

— Я полностью полагаюсь на твою высокую мораль.

— То, что я не стану посягать на лучшего друга, — Лу Инь слегка отпихнул его, — ещё не значит, что я останусь бесстрастным, когда в моей постели развалится другой мужчина.

Тань Мо отстранился, но его улыбка стала только шире.

Лу Инь упёрся пальцами ноги в его бедро и ощутимо надавил, давая понять, что готов в любую секунду выпихнуть наглеца на пол. Тань Мо, решив по старой памяти созорничать, попытался перехватить его лодыжку. Но едва горячие пальцы коснулись кожи, как Лу Инь от неожиданности резко брыкнулся.

Раздался глухой стук. Мир вокруг Тань Мо перевернулся.

Он лежал на ковре, раскинув руки, и медленно осознал абсурдность ситуации.

Его. Только что. Спихнули. С кровати!

В просторной спальне повисла оглушительная тишина. Спустя пару секунд Лу Инь щёлкнул выключателем, и мягкий янтарный свет ночника выхватил из темноты абсолютно ошарашенное лицо Тань Мо.

Лу Инь приподнялся на коленях и заглянул за край кровати. На его лице читалось явное раскаяние. Потерев лоб, он виновато произнёс:

— Прости, не рассчитал силу.

Тань Мо поднялся с пушистого ковра и замер у постели. Ночник отбрасывал его огромную тень на стену — тёмный, внушительный силуэт, напоминающий неприступную скалу. Со стороны он казался опасным и хищным, готовым к броску.

Однако стоило Лу Иню спросить, собирается ли он спать дальше, как Тань Мо буркнул «да» и послушно залез обратно под одеяло.

В комнате снова воцарился кромешный мрак. Тань Мо немного помолчал, а затем негромко произнёс:

— Знаешь, на моей памяти такое случалось только с одним человеком.

— И с кем же? — отозвался Лу Инь.

Тань Мо усмехнулся:

— Моего отца так же пинала мама.

Он негромко хмыкнул в темноту:

— Яблоко от яблони, ничего не скажешь.

После этой нелепой потасовки Лу Инь наконец почувствовал, как на него накатывает усталость, и под неторопливый бубнёж Тань Мо погрузился в сон. Поняв, что друг уснул, Тань Мо замолчал, но сам он сна лишился напрочь. Он долго лежал, глядя в темноту, пока сзади не раздался тихий шорох.

В следующее мгновение Лу Инь придвинулся вплотную, обдав его жаром своего тела, и крепко

обнял за плечи.

Он сжал Тань Мо с такой силой, словно пытался удержать ускользающую жизнь. Уткнувшись лицом в его грудь, Лу Инь что-то неразборчиво шептал, раз за разом повторяя его имя.

Тань Мо удивился, но всё же негромко отозвался. Услышав его голос, Лу Инь сонно пробормотал ещё что-то невнятное, а затем едва слышно выдохнул:

— Не уходи.

Это был разговор сквозь сон.

Тань Мо замер. Он осторожно коснулся лица Лу Иня и почувствовал пальцами влагу на его ресницах. На секунду ему безумно захотелось растолкать его, расспросить, что стряслось, но он вовремя сдержался. Занеся ладонь над чужим плечом, он так и не решился нарушить чужой покой. В конце концов Тань Мо просто обнял его в ответ и заснул, вдыхая тонкий, умиротворяющий аромат.

На следующий день был выходной.

Тань Мо не стал возвращаться в Ланьху. Они проспали почти до полудня, неторопливо пообедали, а затем устроились на диване, чтобы досмотреть фильм, заброшенный в прошлый раз.

Около половины третьего небо затянуло тучами, и пошёл дождь.

Цинхэ славился своей дождливой погодой. Лу Инь приоткрыл окно, впуская в комнату свежий, влажный воздух. Прохладные капли оседали на его щеках приятной моросью.

Полюбовавшись размытыми очертаниями пейзажа за пеленой дождя, он опустил взгляд на пустующий участок перед домом.

Когда-то застройщик насажал там всяких цветов вперемешку, но Тань Мо, едва заселившись, велел выкорчевать всё под корень, и с тех пор земля пустовала.

«Что бы здесь посадить?» — задумался Лу Инь.

Стоявший рядом Тань Мо небрежно бросил:

— «Песнь океана».

Существовали сотни сортов роз, и «Песнь океана» — редкий, малоизвестный вид сиреневых цветов — явно не первое, что приходило на ум обывателю. Тань Мо произнёс это название так уверенно, словно констатировал очевидный факт, а не предлагал вариант. Лу Инь почувствовал укол странного дежавю и невольно удивился.

Дело в том, что его мать, Лу Мэй, обожала этот нежно-лавандовый сорт роз. Сколько Лу Инь себя помнил, он перенял эту любовь от неё. Но об этой его маленькой слабости никто не знал.

Заметив чужую растерянность, Тань Мо сообразил, что сболтнул лишнее. Пожав плечами, он поспешил откреститься:

— Просто пальцем в небо ткнул.

Лу Инь промолчал. Спустя мгновение он отвернулся и вновь посмотрел на пустой участок. Судя по всему, расспрашивать он не собирался.

— Что ж, ты угадал.

Он набрал номер знакомого флориста и заказал семена «Песни океана». Когда дождь прекратился, оставив после себя влажную, податливую землю, курьер доставил всё необходимое. Лу Инь бесцеремонно вытащил Тань Мо во двор, и они принялись за работу.

Для Лу Иня эти выходные выдались тихими и умиротворяющими. Чего нельзя было сказать о Сун Яне, чья жизнь сейчас превратилась в сущий кошмар.

Хотя он и упросил Цзян Бояня подчистить все скандальные темы на университетском форуме, а приятелям строго-настрого запретил болтать лишнее, слухи о позорном инциденте всё равно дошли до его отца.

Сун Хайнин только что вернулся с официального приёма, где его знатно пополюскали конкуренты, отпуская ядовитые шпильки по поводу семейных дразг. Разъярённый до предела, он влетел в дом, велел сыну явиться в кабинет и, едва тот переступил порог, схватил со стола тяжёлую вазу с фруктами и швырнул её в стену.

Осколки стекла с оглушительным звоном разлетелись по полу. Комната мгновенно превратилась в хаос.

Сун Ян испуганно отшатнулся:

— Отец!

— Разве я не учил тебя продумывать каждый шаг?! — взревел Сун Хайнин, багровея от ярости.

— Любое дело должно быть разыграно как по нотам! А ты мало того что облажался...

— Да откуда я мог знать, что Цзян Боянь проиграет! — упрямо огрызнулся Сун Ян.

Сун Хайнин от такой наглости рассвирепел ещё сильнее:

— Ты до сих пор не понял, где оступился, тупица! Да плевать, какие у нас тёрки с Лу Инем за закрытыми дверями — на людях ты обязан улыбаться ему так, словно он твой любимый брат! Изливать душу друзьям можешь сколько влезет, но подставляться перед всей толпой?!

Слухи о грызне между братьями наносили жестокий удар по репутации Шэньлу и, что куда важнее, разрушали образ добропорядочного семьянина, который Сун Хайнин выстраивал годами.

Сун Яну ничего не оставалось, кроме как покорно опустить голову:

— Папа, я всё понял. Прости меня.

Выпустив пар, Сун Хайнин немного остыл и хмуро спросил:

— Кстати, что там стряслось с Цзян Боянем?

— Он будто с катушек слетел в последнее время, — недовольно поморщился Сун Ян.

Раньше Цзян Боянь ловил каждое его слово и выполнял любую прихоть, но теперь его поведение стало совершенно непредсказуемым. Он сделался раздражительным и чужим.

У Сун Яна мелькала мысль, не замешан ли тут Лу Инь — этот смазливый извращенец вполне мог пустить в ход свои грязные чары. Однако зацепиться было не за что, и ему пришлось отбросить эту глупую догадку.

— Дай-ка подумать, — Сун Хайнин устало потер переносицу, но когда поднял взгляд, в его глазах блеснула холодная злоба. — Сегодня на банкете поговаривали, что этот паршивец открыл собственную технологическую контору. Да ещё и Се Чи из Шэнчи вроде как хорошо о нём отозвался. Нельзя позволить Лу Иню набрать силу. Если он укрепит позиции, нам несдобровать.

У Сун Яна перехватило дыхание:

— Се Чи?!

Имя этого человека гремело на весь бизнес-мир. В душе Сун Яна мгновенно вскипела удушливая зависть.

— Он самый, — подтвердил Сун Хайнин.

Впрочем, об одной детали он сыну предпочёл не распространяться.

В детстве Лу Инь близко общался с сыном Тань Чжаого из соседнего поместья. Соседство в элитном посёлке, конечно, было условным — дома разделяло приличное расстояние. Главный офис Таньши находился далеко от Цинхэ, поэтому Тань Чжаого наезжал сюда редко, а позже и вовсе увёз семью, оборвав контакты почти на десять лет. Голос разума твердил Сун Хайнину, что возвращение старого магната никак не поможет Лу Иню, но интуиция подсказывала обратное.

Мысль об этом не давала ему покоя последние дни.

Такой прожжённый консерватор, как Тань Чжаого, наверняка на дух не переносит извращенцев.

Убедив себя в верности этих рассуждений, Сун Хайнин окончательно отбросил сомнения:

— Я в кратчайшие сроки подыщу Лу Иню партию для брака. А потом невзначай пущу слух, что этот ублюдок предпочитает мужчин.

Сун Ян недоверчиво хмыкнул:

— Да он ни за что не согласится на свадьбу.

Сун Хайнин хитро прищурился, потирая подбородок:

— Разумеется, не согласится, но попытаться стоит. Главное — раструбить на весь свет, что он девиантный гомик. Это разрушит его репутацию раз и навсегда.

— Сяо Ян, — он пристально посмотрел на сына. — Ты всегда был моей гордостью. Умным мальчиком. Надеюсь, на этот раз ты меня не подведёшь.

В последующие дни Сун Хайнин развил бурную деятельность: обивал пороги старых приятелей, подыскивая кандидатов. Наконец, утрясши детали с одной из подходящих семей, он тут же набрал номер Лу Иня, чтобы огорошить его новостью.

Выслушав приказ, Лу Инь с каменным лицом нажал кнопку отбоя. Буквально через минуту в

мессенджере всплыло уведомление о запросе на добавление в друзья. Отправитель лаконично представился: Ли Сюань, его... потенциальный жених.

«Ли Сюань?» — мысленно повторил Лу Инь.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы воскресить в памяти детали из прошлой жизни. Ну конечно. Отпетый бездельник и бабник, к тому же якшавшийся с Цзян Боянем.

Проигнорировав запрос, Лу Инь открыл чат с Цзян Боянем и отправил короткое сообщение о том, что его собираются женить. Стоило ему отложить телефон, как тот буквально взорвался от непрекращающихся звонков и яростных голосовых сообщений.

— Этот старый ублюдок Сун Хайнин настолько отчаялся, что решил продать тебя?! — Цзян Боянь буквально задыхался от бешенства, слова давались ему с трудом. — С кем, твою мать, тебя обручили?!

От былого уважительного «дядюшка Сун» не осталось и следа.

Лу Инь равнодушно крутил в руках разрывающийся мобильник. Проходивший мимо Тань Мо, услышав конец гневной тирады Цзян Бояня, застыл на месте.

Лу Инь запрокинул голову и столкнулся со свинцовым, тяжёлым взглядом Тань Мо. От того так и веяло опасностью. Не говоря ни слова, Тань Мо обошёл диван, ухватил его за плечи и бесцеремонно уселся рядом.

— И давно у тебя нарисовался жених? — Тань Мо криво усмехнулся, опасно сощурившись. — Почему я узнаю об этом последним?

<http://bllate.org/book/20470/2134908>